

Вместо послесловия

А.Ю. Желтов

(СПбГУ / МАЭ РАН)

АФРИКАНИСТИКА В ЭПОХУ НАУКОМЕТРИИ, ИЛИ ЗАЧЕМ В РОССИИ ИЗУЧАТЬ АФРИКУ¹

Изучение Африки в СССР/России всегда сопровождалось рядом серьезных проблем: идеологический прессинг эпохи СССР, отсутствие финансирования и связанная с ним катастрофическая потеря кадров в постсоветское время (более 30 выпускников кафедры африканистики СПбГУ, оставшихся в профессиональном поле, работают не в Петербурге) на общем фоне маргинального положения Африки в сфере научных и государственных интересов. В современных условиях к числу новых проблем относится доминирующая роль наукометрических (рейтинговых) показателей в оценке научной и образовательной деятельности, что заставляет вновь задуматься об африканистике и ее месте в современном мире, научном и образовательном процессе.

Я убежденный сторонник международного характера научной деятельности, международной конкурентоспособности науки

---

¹ Исследование выполнено по проекту «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфосинтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира» (шифр ИАС 2.38.524.2013, руководитель А.Ю. Желтов).

(хотя в фундаментальных научных областях слово «конкуренция» в принципе неуместно: мы участники одного процесса накопления информации и стремления к истине), и мне не очень нравится фраза «впервые в отечественной науке», если это «впервые» повторение того, что в других странах уже давно общее место.

Занимаясь африканским языкознанием, где количество специалистов не только в России, но и во всем мире гораздо меньше, чем число языков Африки (около 2000), и я, и мои коллеги давно поняли необходимость встраивания российской африканистики в международный научный процесс и что для этого необходимо сделать наши публикации доступными для зарубежных коллег. В тяжелейшие времена начала 1990-х благодаря главным образом инициативе В.Ф. Выдрина, которому пытались помогать коллеги, стал выходить англоязычный журнал «**St. Petersburg Journal of African Studies**». Вышло шесть номеров, в которых публиковались лучшие работы российских африканистов. К сожалению, на продолжение издания не хватило ни финансовых (некоторые номера В.Ф. Выдрин оплачивал сам из весьма скромных, особенно в то время, академических заработков), ни временных (работа над журналом «съедала» практически все время) ресурсов.

Следует также заметить, что петербургской африканистике повезло очень быстро включиться в международные научные контакты, когда «железный занавес» открылся. Этому способствовали как еще в советские времена установленные контакты наших учителей (Д.А. Ольдерогге, А.А. Жуков), так и энтузиазм новых поколений африканистов. Сейчас примерно 30 выпускников кафедры африканистики СПбГУ работают по всему миру в сферах, имеющих отношение к специальности: только в Париже (не самом последнем центре африканистики) работают шесть выпускников кафедры. К тому же традиционно африканисты в силу профессиональной деятельности прилично владели иностранными, в том числе европейскими, языками.

Исходя из сказанного выше я должен был бы быть горячим сторонником борьбы за международные рейтинги и наукометрические базы, особенно в контексте их крайней популярности среди руководителей образования — под задачу вхождения в сотню

ведущих вузов подстроена основная административная деятельность в области образования и науки и, соответственно, финансирование. Но как-то не получается с легким и горящим сердцем в эту борьбу включиться, хотя между вновь становящейся популярной у некоторых коллег идеей «железного занавеса» в науке и рейтингами с наукометрическими базами я и выберу последние как все же хоть и большое, по моему мнению, но меньшее зло. Африканистике, видимо, так же как и востоковедению (а в определенной степени и гуманитарной науке в целом), не очень просто конкурировать в системе объективизированно-обобщенной оценки научной эффективности. Основная проблема состоит не только в том, что оценка нашей научной деятельности и, соответственно, наша научная конкуренция между собой и зарубежными коллегами ограничивается включением в наукометрические базы, что вряд ли может отражать всю содержательную сторону научной деятельности. Но и в том, что по сути мы конкурируем в этом аспекте не только между собой, но и с другими областями знания, которые во всех странах значительно более адаптированы к данным рейтингам, собственно и созданным для точных и естественных наук. Однако именно эти параметры определяют получение грантов, публикационных надбавок, а в некоторые моменты и избрание на научную или преподавательскую должность. Подобное «соревнование» напоминает состязание пловцов и бегунов в поднятии тяжестей на фоне участия в том же соревновании профессиональных штангистов.

Однако возражения против оценки науки и образования по «рейтингам» и «базам» носят и более фундаментальный характер.

В-первых, я убежден, что рейтинги, даже если сделать их максимально объективными, могут быть следствием успешных научных и образовательных процессов, но никак не могут быть их целью. Мы должны заниматься содержательно значимыми для конкретной области знаний делами, которые понятны для соответствующих специалистов. Если эта содержательная деятельность отражается на рейтингах — хорошо, если нет — скорее всего, что-то не так с рейтингами. Оценить же «содержательность» могут

только коллеги по этой области, конечно, не только в России, но и во все мире. В своем докладе представитель рейтинга QS Бен Саутер приводит цитату Элисона Ричарда, бывшего проректора Кембриджского университета, который вышел на первое место в рейтинге QS (перевод): «Рейтинги имеют много недостатков (faults), неадекватно описывают университеты и не могут показать, лучше ли один университет другого <...> но я очень счастлив, когда Кембридж признается ведущим университетом в мире» [Ben Sowter 2013].

Кроме того, среди 20 лучших университетов по рейтингу QS только один не из англоязычной страны (думаю, что и в этом единственном — Цюрихском технологическом институте (13 место) — образование ведется по-английски). Превалирование англоязычных университетов характерно и для продолжения рейтинга. Очевидно, что по ряду важных для рейтингов параметров (публикации в рейтинговых журналах, которые почти все англоязычные, и привлечение иностранных студентов, например) мы конкурировать не можем по определению.

При сравнении четырех университетских городов по критерию студенческой оценки (Париж, Лондон, Нью-Йорк, Москва) наша столица существенно проигрывает по параметру «affordability». Очевидно, что этот параметр зависит не от университетов, а от государства, следовательно, представляется, что прежде чем ставить перед университетами задачи повышения рейтингов, государство должно системно подтянуть свою составляющую в этих рейтингах, которая больше всего тянет рейтинги назад. Сюда же можно отнести и учитываемое в рейтингах соотношение рабочих площадей к числу студентов и преподавателей.

Нельзя не обратить внимание и на исторические условия развития науки и образования в России. Собственно, почему мы уверены, что должны быть лидерами в рейтингах? Университеты и наука возникли в России достаточно поздно. В Европе (Италия, Испания, Англия, Франция) университеты возникли еще до того, как у нас установилось монголо-татарское иго, а в Германии, Португалии, Швеции, Польше — до времени, традиционно считающегося его окончанием. Первый российский университет

(Санкт-Петербургский) основан только в 1724 г., а реально начал работать позже. Да, конечно, современное развитие идет гораздо быстрее — «молодые» американские университеты сейчас прочно обосновались на ведущих местах в различных рейтингах, а в российской истории был очень успешный XIX век. Но XX век был вовсе не таким однозначно успешным для нашей науки: уничтожение (Н.С. Гумилев) и эмиграция (всем известный «философский пароход») образованных слоев после революции (правда, на фоне выравнивания общего среднего уровня образования), войны, репрессии, борьба с космополитизмом, генетикой, кибернетикой, сравнительно-историческим языкознанием, идеологическое давление в гуманитарной науке. В постсоветское время можно констатировать серьезное ослабление идеологического давления, но и катастрофическую потерю кадров — тяжелейшее материальное положение ученых и преподавателей привело к эмиграции части ведущих специалистов и к огромным временным затратам на различные приработки, необходимые для выживания, оставшихся. В этом контексте возникает скорее вопрос, как выжили наша наука и образование, а не почему мы не на первых местах рейтингов.

В этой связи в очередной раз достаточно остро встает вопрос, зачем в принципе нужно изучать далекий африканский континент в современной России. Ведь добиться высокого импакт-фактора и наукометрических рейтингов здесь невозможно по определению: слишком узок круг соответствующих специалистов. Естественный для самих ученых (и честных абитуриентов-первокурсников) ответ, что наличие объекта изучения (более 50 государств, 2000 языков и т.д.) само по себе предполагает наличие интереса, вряд ли может удовлетворить «внешних» экспертов. Прагматичный тезис о большом количестве природных ресурсов в Африке, в освоении которых Россия могла бы принять участие (частотный ответ на официальном уровне), весьма популярен, но, по моему мнению, катастрофически обедняет и упрощает содержание африканистики. Собственно, на содержании африканистики между абстрактным «интересом» и прагматичным использованием ресурсов мы и попытаемся остановиться далее.

В обозначенном пространстве можно выделить как минимум три важных аспекта: 1) необходимость наличия в современном обществе некоторой критической массы людей с многомерным («мультикультурным») мышлением, для которого изучение Африки предоставляет исключительно важный стимул; 2) сложность понимания многих современных процессов в России и мире без обращения к «стадиально-гетерогенному» материалу Африки; 3) важность и актуальность решения многочисленных острых проблем Африки не только для нее самой, но и для всего глобализованного мирового пространства.

1. «Многомерность».

Чем более сложное явление мы описываем, тем больше измерений или систем координат, в которых это явление функционирует, мы должны структурировать. «Многомерность мышления» и способность рассматривать явления в их сложном процессе функционирования в многочисленных системах координат проявлялось во многих работах петербургского африканиста-этнографа Н.М. Гиренко (см., например: [Гиренко 1986]), который предложил рассматривать социальные явления в трех измерениях: эволюционном, структурном и функциональном. Подобная многомерность позволяла Н.М. Гиренко выходить за рамки общепризнанных схем-штампов (вроде «матрилинейность — патрилинейность», в версии школьных учебников — «матриархат — патриархат»), заменяя их на существенно более сложные, но и более адекватные: билатеральность — матрилateralность/патрилateralность — матрилинейность/патрилинейность. Африканист, востоковед, любой ученый-гуманитарий, изучающий различные языки, культуры, общества, приобретает через осознание других картин, или, по [Зеленев 2010], образов мира, то самое «многомерное» мышление. А без определенной критической массы людей с таким многомерным мышлением вряд ли может развиваться современное «инновационное» постиндустриальное общество. В этом и состоит глубинная, а не поверхностная «практичность» африканистики и гуманитарной науки. Причем задача координирования различных существующих в многомерной шкале координат «образов мира» (религиозного и секулярного, христианского и му-

сультманского, традиционного и постмодернистского, глобального и культурно-специфического) является необходимым условием существования человечества в современном глобализированном информационном пространстве. Проблема понятия «общечеловеческих ценностей» (к сожалению, в современном научном и политическом дискурсе воспринимаемого преимущественно в критически-насмешливом ключе) состоит не в их отсутствии, а в неадекватности приравнивания к ним ценностей только одного из «образов мира» и исключительной сложности их формулирования и структурирования в многомерном пространстве всех существующих «образов мира». Однако представляется, что сложность задачи не может быть аргументом для отказа двигаться в сторону приближения к адекватному решению. А без Африки такая многомерность ущербна. Приведу пример практической ущербности игнорирования многомерности сложных явлений: партийная система в Африке и постсоветских государствах. В том и в другом случае пытались строить политическую систему по западной модели — альтернативная советская модель себя дискредитировала. На выходе почему-то получались варианты в форме однопартийности, этнизации/регионализации политической системы, зависимости от внешних сил. В Африке однопартийность с «мягким» авторитаризмом — Танзания при Дж. Ньерере или Уганда с «жестким» авторитаризмом Иди Амина. В постсоветском пространстве — несменяемая власть Лукашенко в Белоруссии или Каримова в Узбекистане. В Африке — базирующаяся на этническом компоненте политическая система Кении или основанная на регионально-религиозном делении в Нигерии с параллелями в Молдавии (Приднестровье) и Киргизии. Долгая борьба в Анголе между МПЛА (поддержанная СССР) и УНИТА (поддержанная США) — бывшими союзниками в борьбе с колониализмом. Похожие процессы в современной Украине — противостояние сил, ориентированных на Россию и на Европу. В чем же проблема неудачного копирования? Выход за рамки одного измерения анализа современной политической системы России позволяет понять неспособность ни одного из проектов создания двух центристских партий (чуть «правее» — «Наш дом — Россия», «Единая Россия», чуть «ле-

вее» — партия Рыбкина, «Справедливая Россия») соответствовать нормальному функционированию многопартийного гражданского общества. При схожести на первый взгляд с моделями типа «консерваторы»/«лейбористы», «республиканцы»/«демократы», «христианские демократы»/«социал-демократы» (соответственно в Великобритании, США и Германии) при упрощенном содержательном отличии (больше экономической свободы, более динамичная экономика — у первых, большие социальные гарантии, меньшая социальная напряженность — у вторых) существует принципиальное отличие от российской партийной системы. Большинство политических партий (и большинство населения) в западных демократиях признает первичность личности над государством. Для всех парламентских партий в России государство (иногда в версии — страна, народ или в совсем романтической версии — Родина) первично по отношению к личности. «Игра» в «левые»/«правые», работающая в Европе, США, Японии, у нас не удастся: в ней не задействована важнейшая система координат: «первичность личности»/«первичность государства». Какой бы эпитет мы ни использовали (Родина, страна, государство), реальность состоит в том, что то, что постулируется как интересы «Родины», не может быть ничем иным, кроме как интересами находящейся в данный момент у власти элиты. При подобном подходе вместо исполнения роли наемного менеджера, обеспечивающего мирное урегулирование прав и интересов личностей (а подобные интересы не могут быть одинаково «государственными»: для тех, кто экспортирует нефть, падение курса рубля выгодно, а для тех, кто покупает производимые за рубежом лекарства и продукты, — нет), находящаяся у власти элита начинает отождествлять себя со «страной» и естественно воспринимает нормальную политическую борьбу с собой как антинародную и антигосударственную. В подобном контексте борьба «левых» с «правыми» бессмысленна, и любая находящаяся у власти партия немедленно превращается в КПСС.

2. «Изучение Африки — изучение России».

Суть этого пункта не в прямых аналогиях типа «Россия — Африка севера». Конечно, есть много параллелей: сырьевая зависи-

мость, коррупция, слабость политических институтов и гражданского общества. Все это так, но проблема гораздо глубже. Еще в советские годы изучение Африки допускало больше свободы и меньше идеологического давления, чем изучение России: классики марксизма-ленинизма ничего не писали об Африке и почти ничего о проблемах, которые могли бы иметь отношение к анализу африканского материала. За время обучения на кафедре африканистики (1984–1989 гг.) мне трудно вспомнить какой-либо из кафедральных курсов, напоминавший бы курс истмата или научного коммунизма. В традиции ленинградской-петербургской африканистики всегда важным был принцип изучения Африки не только как отдельного объекта, но как своеобразной модели традиционного общества, в которой можно увидеть и понять многие механизмы, существенно менее заметные в российских, например, реалиях, но продолжающие функционировать в синхронных системных срезах нашего общества. То, что в Африке может функционировать как доминирующий элемент «стадиальной гетерогенности» социума или культуры, в России может уходить в ее рудиментарные составляющие, которые, однако, продолжают влиять на их синхронное функционирование. Изучение «более яркого» африканского материала часто позволяет увидеть и понять эти рудиментарные составляющие. Само понятие стадиальной гетерогенности, возможно, возникло у Н.М. Гиренко на основании изучения специфики колониального общества в Восточной Африке [Гиренко 1974]. Несмотря на пугающую студентов наукообразность, за ним стоит достаточно простой и логичный принцип: каждый конкретный синхронный момент развития социума представляет собой систему элементов и подсистем, некоторые из которых являются рудиментарными (доминирующими на предшествовавших этапах развития), некоторые — доминирующими в данный период, а остальные — зарождающимися элементами последующих этапов развития, но принципиальной становится их общая вовлеченность в синхронные системные связи. Подобный подход позволяет, оставаясь в рамках термина «эволюция» («развитие»), избежать справедливо критикуемой противниками эволюционных схем развития дискретной сменяемости этапов.

Еще одним важным теоретическим принципом ленинградской африканистики было противопоставление культурного и социального. Разработка дихотомии культурного и социального — одна из главных методологических основ как научных концепций Н.М. Гиренко, так и его общественных взглядов. Именно это противопоставление привело его к отрицанию понятия «этнос»: он был убежден, что придание социального статуса культурным различиям противоречит базовым принципам функционирования социума и культуры как формы подобного функционирования [Гиренко 2004]. Противопоставление культуры и общества представляется крайне важным для «примирения» двух, казалось бы, «непримиримых» императивов современной гуманитарной парадигмы: неизбежность и объективность глобализационных процессов и необходимость сохранения культурного многообразия. Социальная «глобализация» личности (глобальная социальная мобильность), видимо, вполне может сопровождаться сохранением культурного многообразия существующих способов приспособления социумов к окружающей действительности. С помощью этой, казалось бы, сугубо научной дихотомии можно разрешать вполне практические вопросы. Например, вновь, к сожалению, поднимаемый вопрос о графе «национальность» в паспорте. Паспорт — это документ, относящийся к сфере социально-политической (гражданство), а национальность — это разновидность культурной идентификации. К каким социальным последствиям может привести упоминание культурной идентификации в «социальном» документе? Вариантов последствий три: 1) никаких последствий, 2) дискриминация в социальной практике на основе культурной идентификации, 3) протекционизм в социальной практике на основе культурной идентификации. Другими словами, в лучшем случае — никаких последствий, в худшем — дискриминация и протекционизм. Помоему, подобный подход снимает этот вопрос с повестки дня. Еще один актуальный вопрос: возможность ношения хиджаба в школе. Школа — институт социальный, хиджаб, как и другие элементы одежды, — элемент культурной традиции. Ограничивать доступ к социальным институтам по причине культурных особенностей одежды неправильно. Но если заменить хиджаб на паранджу,

полностью закрывающую лицо, ответ будет другим: невозможность идентификации личности затрагивает уже не культурные, а социальные нормы, которые должны быть равными для всех, соответственно, для общественных мест этот вариант одежды неприемлем. Проблема, которая требует особого осмысления, — официальный (государственный) язык. С одной стороны, язык как элемент культуры не должен вводиться в социальные нормы, но практически социальные нормы должны быть написаны на каком-то языке, и в многоязычном обществе возникает проблема дискриминации, если выбирается лишь один язык в качестве официального. С другой стороны, вести официальную документацию на десятках языков одновременно достаточно сложно. В этом контексте интересен пример современной ЮАР с разными списками официальных языков для разных провинций.

3. Африка — источник не только природных ресурсов, но и проблем.

Иммиграция, голод, конфликты. Сейчас уже не сделать вид, что остальное человечество не знает об этом — проблемы уже дошли до Европы и пошли обратно (ИГИЛ, многие участники которого — выходцы из мусульманских диаспор Европы). Прагматизм может быть поверхностный и глубинный. Поверхностный прагматизм — использование ресурсов, глубинный прагматизм — помощь в решении проблем, которые рано или поздно в современном мире станут общими. Кроме того, по моему мнению, нельзя не учитывать моральный фактор: «богатый» мир ест пирожные и думает, как бы еще использовать Африку, где дети гибнут от голода, нехватки воды и СПИДа. Нужно ли это учитывать, и не опасно ли не учитывать? Опасность состоит не только в миграции, но и в попытках с нею бороться и в игнорировании проблем. Великобритания, конечно, может закрыть свои границы для иммиграции и начать высылать уже прибывших иммигрантов. Но останется ли страна, высылающая людей по расовому, религиозному или иному культурному признаку, государством с основополагающими принципами «свободы, равенства и братства»? То, что называется геополитическими интересами, часто оказывается просчитыванием недостаточного количества измерений. На одной из конференций

возникла дискуссия об эффективности советской внешней политики в Африке и Восточной Европе. На первый взгляд, политика в Восточной Европе с практически полным контролем за странами региона была гораздо эффективнее «альтруистической» помощи странам Африки без особых экономических выгод. Но прошло время, и мы можем сравнить отношение к нам в Восточной Европе и в Африке. В Африке на нас не «висит» шлейф колониализма и эксплуатации. В Африке мы наблюдаем большое число бывших выпускников наших вузов, с симпатией относящихся к нашей стране, а Восточная Европа пытается максимально дистанцироваться от нас и в политическом, и в экономическом отношении. Иногда «альтруизм» является более прагматичным в долгосрочной перспективе, чем «полный контроль».

В качестве своеобразного «манифеста» «нравственной геополитики» хотелось бы привести цитату из докладной записки российского императорского министра-резидента в Абиссинии К.Н. Лишина от 12 июня 1902 г. по поводу возможности опеки российского правительства над организованным там российским искателем приключений отставным гвардии поручиком Н.С. Леонтьевым коммерческим обществом, законность деятельности которого была весьма сомнительной: «Эксплуатация нами богатств Экваториальных провинций без законного на это права могла бы иметь некоторый материальный успех, но нанесла бы страшный удар нашему моральному воздействию на Абиссинию. Кроме того, Императорское правительство, руководимое принципами законности и справедливости, не может допустить нарушения этих принципов Обществом, находящимся под его покровительством» [Россия и Африка 1999: 229].

Библиография

Гиренко Н.М. Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании) // Советская этнография. 1974. № 1. С. 50–69.

Гиренко Н.М. Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретации явлений культуры) // Древние системы письма. Этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 6–27.

Гиренко Н.М. Этнос: трагический миф XX века // Гиренко Н.М. Этнос. Культура. Закон. СПб.: Carillon, 2004. С. 116–122.

Зеленев Е.И. Концепция этнокультурного пространства и поля в современной парадигме востоковедного научного знания. СПб.: Изд-во РГХА, 2010.

Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. М., 1999. Т. 1.

Sowter B. Доклад о рейтинге QS // **Sowter B. Head of Division, QS Intelligence Unit** April 2013 www.hse.ru/.../Moscow%201%20-%20MGIMO (дата обращения: 5 июля 2015 г.).